

В ТЕЧЕНИЕ недели в Московском цирке на Ленинских горах человек по имени Сидео Кин показывал вещи настолько незаурядные, что им вряд ли подходило заурядное название программы «Очевидное — невероятное». Приученная к ловким трюкам и эффектным фокусам московская публика с удовольствием самостоятельно затачивала мечи до остроты бритвы, а потом с недоумением наблюдала, как по этой бритве ходил 60-летний мужчина. Мужчина этот время от времени ударял по мечу босыми ногами так, как будто он не может очень легко расцезь ему ногу до кости.

Потом Сидео Кин ломал спиной торчащие из груди стекла острые осколки и разбивал молотком бордюрный камень на спине своей очаровательной 23-летней жены Эллы, которая в это время опизалась горлом на остро отточенную пику. В общем, зрелище впечатляющее.

Свои цирковые шоу сам Сидео любит, но относится к ним, как к объективной необходимости, как к миссии, которую он предпринимает для своеобразной пропаганды философии гармонии духа и тела. Наука, которой научила его жизнь, называется Ки-Хаб — древняя школа развития личности, своеобразная корейская версия китайского Цугуна, взявшая кое-что и из индийской йоги, и из других учений.

У обычного человека, для которого вся йога заключается в стоянии в очередях, а колбаса вызывает просто мистические ощущения, все эти мечи и битые стекла ассоциируются либо

с каратэ (то есть со способностью сильно дать по морде), либо вообще с какой-то чертовщиной. Однако начинаешь верить в существование какой-то гармонии, когда знаешь, что Сидео Кин, на седьмом десятке вытворяющий все эти свои номера, живет без одного легкого,

та, лишь с видом на жительство, и закинула в начале 60-х в маленькую удмуртскую деревушку Ува. Там он и жил со своей первой женой в построенном собственными руками доме. Там его быстро и стали считать не совсем нормальным за его «дикие» увлечения. Начальство раз-

С 1988 года Сидео в конце концов официально стал выступать со своими номерами в цирках страны. Только полтора года назад в Ижевске он впервые получил паспорт гражданина СССР. В паспорте есть прописка — деревня Удмурт-Тукля — место, где он живет после того, как развелся с первой женой. В прописке нет ни названия улицы, ни номера дома, поскольку Советская власть определила Сидео Кина в здание заброшенного аэропорта недалеко от Удмурт-Тукли. Там нет ни улиц, ни других домов. Только табличка на калитке — «Сидео Кин».

Сидео Кин хочет построить «академический храм», где он сможет воспитывать своих учеников. Для храма нужны не только деньги, нужны люди, которые поверили бы учителю школы Ки-Хаб. Учитель ездит по стране, и кое-что ему удается.

— Я только жалею, что время уходит, что всем этим я мог заняться и 30 лет назад, а жизнь не позволила мне — я не мог считаться нормальным человеком, — говорит Сидео Кин. — Но налеюсь, что все-таки успею.

Не знаю, сбудутся ли желания учителя школы Ки-Хаб. Я точно знаю только то, что в нашей жизни всегда случается событие, когда встречаешь человека, искренне готового доказать, что ты — не жалкое существо, а можешь ходить по лезвию бритвы, а то и ложиться спиной на битое стекло. Даже когда жизнь поступает с тобой, как сабля с голой пяткой.

С. МОСТОВЩИКОВ.

На снимке: Сидео Кин.

Фото А. Поталова.

Подробности для «Известий»

Как Сидео Кин стал гражданином СССР

без одной почки и вообще несколько лет назад был почти парализован.

Азы школы Ки-Хаб кореец по происхождению Сидео Кин усвоил еще в детстве благодаря японскому учителю и выступлениям в японских цирках, где он учился на гимнаста. Любовь к искусству пробуждения в себе силы и терпения, как я понимаю, во многом помогла ему, поскольку жизнь в советской стране подготовила ему такие номера, которые были похлестче битого стекла под спиной.

Родившись в 1930 году в южной части Сахалина, на японской тогда еще территории, Сидео Кин сделался человеком вне закона, когда после войны оказался в составе Советского Союза. Жизнь порядком покидала его и как человека без паспор-

ного ранга поглядывало на «каратиста» с подозрением, а местные жители потихоньку приглашали выступать и показывать свои чудные номера.

Слухи и местная известность дали ему работу и небольшую свободу в передвижениях, за которой следил ОВИР. Сотрудничал он и с Удмуртской филармонией и даже, как ни странно, с КГБ. Когда вдруг в СССР официально признали каратэ, ему довелось тренировать удмуртских чекистов, которые, правда, позже пытались выявить в нем шпиона. Дом время от времени обыскивали в поисках передатчиков и криминальной литературы, но поскольку нашли один только реквизит — мечи и прочую чертовщину, то за всякое это «оружие» Кину дали два года условно.